

ПОЛИТИЧЕСКИЙ «ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ»: ПРОСТРАНСТВО ФИЗИЧЕСКОГО И ПРАКТИКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ОСВОЕНИЯ ЛОКАЛИТЕТА

Проблема развития муниципальных локаций, равно как организации муниципального управления и самоуправления в них, является крайне актуальной в условиях реформы публичного управления и экономических трансформаций 2022 года. Среда современных городов и сельских муниципалитетов является сегментом единого политико-административного, экономического, культурного пространств России, ее регионов, процессов наднационального уровня. Представляется полезным комплексное рассмотрение политической реальности локалитетов, в частности – физического пространства как одного из измерений фактического поля самоорганизации сообщества. Комплексный подход предполагает учет условий политической системы и системы хозяйствования, моделей отношений актора с действительностью с приоритетами заинтересованного освоения. Целью статьи является изучение политической композиции современного локалитета в аспекте физического пространства и реализации практик предпринимательского освоения территорий. При этом, необходимо решить задачи выявления специфики локалитета как территориального фронта и «карты ресурсов» локальных процессов, рассмотрения современных форм организации события сообществ, оценки специфики организации сельских пространств.

Композицию локалитета в физическом пространстве обуславливают ресурсные развязки, политические практики коммуникативного и символического полей, процессы заинтересованного освоения, кооперации и конкуренции. Предпринимательские практики запускают механизмы самоорганизации сообщества и организации пространства. Физическое пространство являет предпосылки, условия и следствия сообщества как динамичной системы в административных границах муниципалитета. Научная значимость работы видится в осмыслении актуальных универ-

сальных моделей поведения акторов различных функциональных сфер в качестве субъектов политической реальности, индивидуально и коллективно создающих пространство физическое, коммуникативное и символическое. Данный подход имеет прикладное измерение при организации взаимодействия с элитами локалитетов в ходе реализации политических и иных кампаний.

Ключевые слова: локалитет, физическое пространство, самоорганизация, вовлечение, освоение.

С позиций Ф. Тенниса, единое пространство «города» составляют разнопрофильные части, аффилированные с теми или иными процессами и сферами жизни (коллективы, товарищества), что позволяет взглянуть на «город» как на гильдию [2. С. 39]. Пространство формируют не столько привязанности, но связи «современные друг другу» [11. С. 91-102]. Совместное бытие в существующей матрице хозяйствования, публичного управления и географических границ, удерживает части целого; «социальные якоря» А. Энтциони [27] и «духовные стержни» А. Макинтайра [8. С. 259], «modus vivendi» и «modus operandi» предотвращают социальную атомизацию.

С одной стороны, локалитет (муниципалитет, «город») как форма бытия демонстрирует преодоление условностей обособленных малых групп за счет обмена благами с появлением центра власти, с другой – формирование особого мировоззрения причастности к «душе города», «сознательно направленному» образу жизни [2]. Локалитет представляет сообществу **территориальный фронт** с «картой ресурсов» и властными институтами. Их развитие влияет на территориальную организацию города, его облик; культурное, экономическое, политическое, административное пространство. Р. Парк пишет о специализации городского пространства [30. Р. 3-18] с элитными пригородами и трущобами, промышленными зонами и рекреацией. Отечественные стратегические документы связывают пространственное развитие преимущественно с расселением и экономикой. Одним из препятствий развития, при этом, отмечена слабая предпринимательская активность в малых городах, сельских территориях государства [20].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 6; 7; 9; 10; 17; 19; 22; 23; 24].

Однако проблему развития муниципальных локаций в контексте трансформации публичной системы управления нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Территориальное развитие локалитета реализуется в ходе функциональных, политических и административных процессов согласования интересов

и отливаются в бронзу актов, схем и стратегий о развитии. Трансформация физического подчинена логике создания производства (по отраслям и кластерам), социальных объектов, массовой застройки, рекреационных зон. Физическое пространство формируется в разрезе сфер и отраслей – с горизонтальным и вертикальным вовлечением разноуровневых акторов с использованием механизмов коллаборации.

Организация физического пространства города определяет его ритм и темп – и наоборот. Планировка способствует развитию образа жизни, работы (деловые центры, пробки) и отдыха. «Карта ресурсов» складывается с учетом причин и следствий возникновения экономических единиц локалитета, и транзита ресурсных потоков. Объемы стартовых ресурсов локации и их перспективность, логистика, географические и административно-политические условия влекут создание в границах муниципалитета «точек роста» и «окон возможностей» – не только притяжение инвестиций различного уровня и формата (финансовые, культурные, кадровые, административные), формирование кластеров и агломераций, но **центров влияния, трансформирующих функциональные сферы и облик локалитета.**

Особое значение для локации имеют «**третьи места**» («первые» – дом, «вторые» – работа), охарактеризованные Р. Ольденбургом площадки креативной коммуникации, физические и символические пространства. Такая будничная «тренога» позволяет французам быть более расслабленными, чем американцы с их двумя точками опоры на дом и работу. С другой стороны, сложно спорить с тем, что именно летние кафе Парижа, пабы Лондона и площади Флоренции являются во всех случаях общими, несмотря на различия в культуре, якорными координатами в пространстве данных городов и стран. В этом пространстве не должны играть определяющей роли статусные позиции гражданина (принципы «нейтральности» и «уравнивания») [15. С. 570; 14. С. 62-72]. Как следует из результатов проведенного полевого исследования, организаторы-владельцы «третьих мест», посредством своего бизнеса создают гражданское общество («предпринимательство питает не только тело, но и душу»), формирует креативных граждан, создающих пространство города [3. С. 212-217].

Органичное сочетание физического и социально-культурного («души» и «тела») обеспечивает тактическое и стратегическое развитие, комплексное планирование пространства. Организация «третьих мест» в реалиях цифрового общества «подтягивает» физическое пространство «домов, дорог и магазинов» к виртуальному коммуникативному и символическому пространству (социальные сети, игры), «заземляют» виртуальные сообщества (ЖКХ и благоустройство, местные выборы), концентрирует их социальный капитал. Идеология «кофеен» демонстрирует успешное вовлечение в экономическую и политическую жизнь – не случайно Р. Ольденбург подчеркивает значимость «третьих мест» как оплота социальной жизни («неф-

ти» сообщества, социального капитала) для популяризации и развития демократических практик. Антикафе как альтернатива «месту приема пищи» – микро-модель сообщества и микро-мир коммуникации в микро-городе. Достаточно изучены «коворкинги» – альтернативный способ создания рабочего пространства разноплановыми специалистами «плечом к плечу, в одном помещении». Справедливо отмечается их символическая причастность по принципу вхождения в средневековый европейский цех [18. С. 183-185]. Данные субъекты (со-граждане) имеют сопоставимые функциональные статусы и объединены, помимо сетей Интернета, деловыми контактами и узлами символического единства. Сетевая кроссфункциональная организация по горизонтальным секторам жизнедеятельности, обусловленным ресурсной зрелостью (элита, др.), способствует распространению как приведенных выше «распыленных офисов», так и физических мест работы/отдыха/общения их клерков. Демократизм данных заведений относителен: за их пределами остаются известные «отцы города» и представители низового пролетариата.

В контексте дискуссии относительно ослабления гражданского участия на Западе, Д. Пурнелл обращает внимание на **парковые зоны**, где свободное время проводят горожане вне границ функционально-профессиональных сфер и возрастов. Это общественные пространства без входных/членских билетов, являющиеся многоаспектными и не исключающими социальные риски. Действиями элит осуществляется градация акторов данных площадок на «желательных» и «не желательных», последних не замечают: смотрят мимо и не реагируют на обращение – на примере человека в ситуации бездомного [31. Р. 531-534]. Они – люди, которых нет в данной реальности. **Парки исключают и включают**, вовлекая в символическое пространство, доминирующие практики и ритуалы. Создание парков обладает инструментальным символическим зарядом: самая широкая и разношерстная аудитория проходит школу общения с «правильной природой», приобретает качества гражданского поведения [28]. Заинтересованное использование физического пространства в транзите «абстрактное – конкретное» (не освоенное – освоенное) подразумевает также активное символическое конструирование. Застройка зеленых зон – наиболее наглядный перевод данных географических пространств из абстрактного (девственного, природного) состояния **в конкретное, хозяйственное и предметное**. Зеленые зоны ликвидируют «пустоты» и «разрывы» физические, коммуникационные, символические.

Предпринимаются попытки осмысления культурных кластеров посредством творческого предпринимательства в отношении **музеев, библиотек, досуговых центров**. Здесь задействуется двуединый конструкторский механизм: освоение культурного, природного и экологического пространства и создание аутентичного культурно-исторического пространства

[14; 5. С. 94-100]. Это ресурс развития туристического бизнеса, брендинга и привлечения инвестиций. Перспективы библиотек связываются с превращением их в творческие лаборатории и площадки коворкинга [13. С. 19]. Отмечается закрепление за библиотекой особой функции, с одной стороны – центра коммуникативного пространства, с другой – «точки доступа к (любым) ресурсам» [16. С. 6]. Размывание границ между «третьими местами» различных форматов обеспечивается за счет усиления коммуникативной и символической сторон при схожих инструментах вовлечения (экономического, культурного, политического). На библиотеки распространяются законы конкуренции и маркетинга [25. С. 167-172].

Здания **торгово-развлекательных центров (ТРЦ)** форматируют географическое пространство вокруг себя, влияя на состояние зеленых зон и культовые постройки предшествующих эпох (соответственно, стиль жизни), мироощущение по «принципу Кёльнского собора», отражают социальную динамику. Так, именно городской формат специфичен с точки зрения развития практик вовлечения, что подтверждают факты унификации городских форм существования и потребления [29]. ТРЦ (шоппинг, питание, досуг) моделирует, являясь производительным пространством вне границ регионов и национальных государств, но в пределах цивилизационного ареала.

Тезис «город – есть все» [26], основанный на многообразии форм человеческой активности, актуален и для не городских пространств. В отношении сельского пространства отмечается асимметрия их экономического развития – неоднородность включения в инвестиционные проекты. Это отражает влияние ресурсных потоков на экономический, социальный и политический ландшафт локаций. Сами территории среди критериев «карты ресурсов» имеют географические, а также связанные с ними миграционные, инфраструктурные [12. С. 21-40]. Пространство здесь формируют также торговые точки, сетевые предприятия (к примеру, услуги ЖКХ), отделения банков, провайдеры, лагеря отдыха. Потоки имеют транс-региональную и транс-муниципальную структуру, меняют рисунок интересов и предприятий, стратегии развития муниципалитетов, влияют на бюджетную самостоятельность муниципалитетов, корректируют административные процессы. Объемы бюджетов и влияние местных элит, в комплексе с перспективной «картой ресурсов», определяет расстановку сил и траектории ресурсных потоков. Экономический потенциал влияет на состояние социальной инфраструктуры на селе, сохранение школ и библиотек, музеев, клубов, магазинов, церквей. Спецификой обладают пригороды городов (концентрация интересов, стоимость земли, инфраструктура, миграция). Здесь так же формирование новых символов базируется на возникновении новых физических объектов, равно как наделении символами существующих предметов с последующим символическим воспроизводством. Появление

в этих территориях не типичных объектов считается свидетельством экспансии, символического присвоения пространства. Механизм присвоения пространства, являясь во-многом универсальным, в пригородах весьма иллюстративен: речь идет о «картировании пространства», **перевode из природного пространства в антропогенное**, переносе субъективного образа на реальный ландшафт местности как акте определения последнего в качестве «своего») с вытеснением «коренных» жителей [4. С. 42-55].

Физическое пространство локалитета является площадкой жизнедеятельности, реализации политической динамики сообщества. Включая предметы материального мира в пределах территории с соответствующими границами, оно предоставляет сообществу, импульсам освоения, следствиям конкуренции «карту ресурсов» (местные и транзитные), определяющую особенности локации и сообщества. Освоение физического пространства в современных условиях не ограничивается присвоением природных ресурсов, но предполагает политический процесс активного события; получение и развитие ресурсов связано с сообществом (его производством), концентрацией и использованием социального и символического капиталов. Физическое отражает и закрепляет процессы вовлечения и исключения. Дома и дороги, кафе и торговые комплексы, парки и библиотеки не только производятся, но отражают, производят и воспроизводят сообщества.

Физическое пространство в политологическом аспекте необходимо рассматривать в комплексе с коммуникативным и символическим, соответствующими практиками, правилами и законами. Физическое оформляет осязаемый для граждан и инвесторов локалитет посредством наличия стартовых условий и стимулирования факторов их трансформации вследствие организованной системы отношений, сопоставления ресурсов (не только материальных) и интересов, издержек и прибыли, конкурентного противостояния и соглашений. Заинтересованная коммуникация определяет интенсивность политических процессов локалитета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамова М.А.* Применение социокультурного и интеракционистского подходов в изучении трансформаций социокультурного пространства // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).
2. *Агишева О.В.* Город и его образ в мире политического // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (июль).
3. *Бабаян И.В., Любимова А.Д., Русакович Е.Ф.* «Быть самим собой»: социокультурное пространство антикафе в контексте города // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 1 (77).

4. Григоричев К.В. «Ни к селу, ни к городу»: символическое пространство пригородов Иркутска // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25).

5. Иксанова И.В. Музей образовательного учреждения Москвы. Сегодня и завтра // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2013. № 4.

6. Копасов А.И. Конструирование дефиниции «Государственная политика территориального развития» // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 6 (70).

7. Кузнецова Е.А. Переформатирование местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 2 (78).

8. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

9. Медведев В.Н. Особенности квалификации правонарушений, посягающих на институты государственной власти, порядок управления, общественный порядок и общественную безопасность в градостроительной сфере // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 1 (23).

10. Медведев Н.П. Из истории развития муниципальной власти в зарубежных странах: местные финансы и рынок капиталов // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 4 (22).

11. Нанси Ж.-Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: «Наука», 1991.

12. Нефедова Т.Г. Пространственные контрасты сельской местности // Отечественные записки. 2012. № 6.

13. Нещерет М.Ю. Новый формат публичной библиотеки в свете концепции «третьего места» // Культура: теория и практика. 2018. № 2 (23).

14. Никифорова С.В., Иванова М.А. Музей как «третье место» в культурном пространстве села // Человек и культура. 2020. № 1. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.1.32074 // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32074.

15. Ольденбург Р. Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

16. Онуфриенко Г.Ф. Американская публичная библиотека – виды на будущее // Культура: теория и практика. 2018. № 6 (27).

17. Осинюк В.А., Романова Ю.А. Инновации и цифровые технологии: фундамент развития умного города (на материалах г. Москвы) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).

18. Пестова А.В. «Третье места» третьего тысячелетия: революция рабочего и досугового пространства // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2017. № 2/3 (21).

19. Рубан Л.С., Забузов О.Н. Эволюция городов: от укрепленных военных поселений к «умным городам» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11 (80).

20. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п) // <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUt-T08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>.

21. Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д.В. Складнева. М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, (Акад. тип. Наука РАН), 2002.

22. Тетерюк А.С., Потапкин А.С. Методологический потенциал концепта микро-макро трансформаций для анализа управленческих взаимодействий бизнес-организаций в строительной политике (на примере программы московской реновации) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76).

23. Тимошук О.В. Генеральный план развития Москвы 2020: анализ проблемы и пути развития // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. № 1 (19).

24. Тропынин И.В., Ястржембский А.С. Исследование взаимодействия муниципальной власти с населением в рамках деятельности Администрации города Красноярск // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

25. Френсис С. Будущее публичных библиотек: некоторые английские идеи // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 1 (17).

26. Щедровицкий П.Г. Философия развития и проблема Города // Наследие Отечества: Научно-информационное агентство // <http://viperson.ru/wind.php?ID=363503>.

27. Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1309.html.

28. Gagen E.A. Making America flesh: Physicality and nation-hood in early twentieth-century education reform // Cultural Geographies. 2004. № 11. DOI: 10.1191/1474474004eu321oa.

29. Law S.M. Theorizing the City. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1999.

30. Park R. The City as a Social Laboratory // In: Robert E. Park On Social Control and Collective Behavior / Selected Papers, Ed. and with introduction by Ralph H. Turner. Chicago a. London: Phoenix Books, The University of Chicago Press, 1967.

31. Purnell D. Public Parks: Third Places or Places Eliciting Moral Panic? // Qualitative Inquiry. 2019. Vol. 25 (6).

I.A. KHABAROV

*Candidate of political science,
director, "The Office of the Public Chamber
of Tambov region", Tambov, Russia*

POLITICAL "URBAN LANDSCAPE": THE SPACE OF PHYSICAL AND PRACTICAL ENTREPRENEURIAL DEVELOPMENT OF THE LOCALITY

The problem of the development of municipal locations, as well as the organization of municipal government and local governments in them, is extremely relevant in the context of public administration reform and economic transformations in 2022. The environment of modern cities and rural municipalities is a segment of the unified political, administrative, economic, and cultural spaces of Russia, its regions, and supranational processes. A comprehensive consideration of the political reality of localities, in particular, physical space as one of the dimensions of the actual field of community self-organization, seems useful. An integrated approach involves taking into account the conditions of the political system and the management system, models of the actor's relationship with reality with the priorities of the interested development. The purpose of the article is to study the political composition of the modern locality in the aspect of physical space and the implementation of practices of entrepreneurial development of territories. At the same time, it is necessary to solve the tasks of identifying the specifics of the locality as a territorial frontier and the "resource map" of local processes, considering modern forms of organizing communities, assessing the specifics of organizing rural spaces.

The composition of the locality in the physical space is determined by resource interchanges, political practices of the communicative and symbolic fields, processes of interested development, cooperation and competition. Entrepreneurial practices launch mechanisms of community self-organization and space organization. Physical space represents the prerequisites, conditions and consequences of a community as a dynamic system within the administrative boundaries of a municipality. The scientific significance of the work is seen in the understanding of the actual universal models of behavior of actors of various functional spheres as subjects of political reality, individually and collectively creating physical, communicative and symbolic space. This approach has an applied dimension in the organization of interaction with the elites of localities during the implementation of political and other campaigns.

Key words: *locality, physical space, self-organization, involvement, developing.*